

УДК 821.161.1
ББК 84(5 Изр)
Ш47

ISBN 978-5-7516-1514-7

© М. Шенбрунн-Амор, 2019
© ИД «Текст», 2019

*Посвящается моей матери
Светлане Шенбрунн*

РАССКАЗЫ

ПОМОЩНИЦА

Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих.

Евангелие от Матфея, 18:10

— Простите, вы комнату студентке не сдадите? — толстая тетка в трикотажном платье окликает маму через забор нашего палисадника. Мама перестает качать коляску Данилы и улыбается тетке сквозь цветущие кусты шиповника.

— Почему бы и нет? — отвечает она серебряным голосом и смахивает солнечную прядь, упавшую ей на лицо. — А где ваша дочка учится?

— Ой! — обрадованная тетка наваливается на хлипкий забор. — В Пищевом, у вас тут прямо под боком! Такая хорошая девочка! А сколько возьмете?

Мама озадаченно поднимает тонкие брови, но быстро находится:

— Да что вы! Никаких денег не надо! Места достаточно, пусть немножко поможет по хозяйству и с младенцем, а больше ничего не нужно!

Мама соглашается по трем причинам: во-первых — она добрая, во-вторых — терпеть не может домашнюю работу, а в третьих — потому что студентка будет жить в моей комнате, а не в ее.

Так к нам вселилась Наташка. Да я не против. Я привыкла, что у меня в комнате останавливаются все подряд — дальняя родственница из Челябинска, собака друзей-геологов, отправившихся в экспедицию, дочка родительских приятелей из Новосибирска... Чаще всех вселяется мамина подруга Инга. Инга регулярно уходит от мужа и живет у нас то несколько дней, то несколько недель, пока Эрик ее не хватится. Инга — актриса, она красавица и умница, и мне приятно, что моя комната стала ее убежищем. Обожаю рассматривать альбом ее фотографий — раньше она играла в Вильнюсском театре, и на снимках она в разных ролях, в дивных туалетах, совсем на себя непохожая, изумительно красивая, особенно в образе Джульетты!

Перед сном, уже в темноте, мы с ней болтаем. Инга — лучшая подруга моей мамы, но с мамой такие беседы невозможны. Мама смотрит в пространство, а когда наконец слышит меня, поднимает брови, спрашивает: «Ты уроки сделала?», и склоняется к Даниле. А Инга рассказывает о разных случаях из своей юности — кто как за ней ухаживал, и как один возлюбленный пытался с собой покончить, и сокурсник Руслан от первого мужа на Кавказ увез, а однажды двое поклонников на ножах подрались... Подумать только — на ножах, из-за нашей Инги! Но из всех них она выбрала Эрика. Эрик — красивый, обаятельный, смешной и остроумный, он отлично рисует, без него не обходится ни одно застолье: он и плов, и гуся, и харчо лучше всех готовит, и тосты придумывает замысловатые. Он режиссер, знаком со всеми киношными знаменитостями и рассказывает о них занятные байки. Он талантливый, но его проекты «зарубают» из-за политики и интриг.

— Инга, а я буду нравиться мужчинам, когда вырасту? — Мне уже двенадцать, а я все еще никому

по-настоящему не нравилась, потому что выше всех знакомых мальчиков.

— Ой, конечно, Анастасия, да у тебя мужиков будет — полные охапки!

В животе будто газировка шипит: когда же наконец?! Я представляю себя в разноцветном развевающемся сари, гордо шествующую по улице, а Андрей, самый красивый мальчик в нашем классе, и Виталик — из параллельного, оба пораженно наблюдают, как я шуршу мимо них шелками. Я знаю, что это глупые видения, но все равно засыпаю счастливая. И драться будут, и на Кавказ умыкать... Инга про любовные страсти все знает. Раз сказала, то так оно и будет.

Но студентка Наташа — это, конечно, не фам фаталь. Толстая, некрасивая, и, сразу видно, — недалекая простушка. Ей восемнадцать лет, она отличница из Протвина и почитает за великое счастье, что ее приняли в московский институт. Пищевой. Боже ты мой! Причем, для того, чтобы соответствовать, ей даже в этом святилище науки приходится изрядно напрягаться. В нашем доме ей многое непривычно и дико.

— Как же вы без телевизора-то живете?

— Без телевизора же, Наташенька, не без электричества. Телевизор мы не смотрим. Мы книжки читаем. — Я поднимаю и верчу перед ней том Бальзака, показывая деревенской темноте, что это за зверь такой — книга.

Наташа оглядывает мою комнату.

— Насть, а что ж у тебя развал-то такой страшный!

— Во-первых, не Настя, а Анастасия, о'кей? Вторых, не развал. А художественный беспорядок.

— А что твоя мама говорит?

— Мать наверх раз в день поднимается, в школу будить, и тогда говорит: «Анастасия, когда же наконец ты уберешь свой бардак!» А отец, я думаю, уже несколько лет мои хоромы не посещал.

Это правда. Родители слишком заняты, чтобы беспокоить себя состоянием моей комнаты. Мама утихомиривает Данилу, а когда он наконец затихает, переводит современную прозу с французского. Или мечтает, глядя в окно и играя обручальным кольцом. Папа дома бывает редко — он то в командировках, то на съемках, то в домах творчества, а возвращаясь, пропадает в Доме кино и на Мосфильме, где «пробивает свои сценарии». Сквозь политику и интриги, по-видимому.

Сначала Наташа сложила свое барахлишко в картонную коробку в ногах своей раскладушки. Поскольку шкаф у меня маленький, меня это вполне устраивало, но мать с несвойственной ей внимательностью все же заметила жалкую стопочку и заставила освободить часть вешалок для Наташки. И конечно, не удержалась, чтобы не добавить:

— Хоть чему-нибудь у Наташи научилась бы!

Теперь платье и обе юбки нашей студентки аккуратно развешаны, зато, поскольку у меня забрали драгоценное место в шкафу, я с полным правом разбрасываю свои вещи повсюду. Наташа пытается прибираться за мной, ей кажется, что она обязана, раз живет бесплатно. Я прошу ее не тревожиться.

— Не могу я, Анастасия, это же ужас, какая ты неряха! Что же с тобой будет?

Поднимаю взгляд от «Манон Леско» и провозглашаю с деланным пафосом:

— Наталия! Всю свою жизнь я мечтала стать аккуратной! — Прижимаю книжку к груди. — Я знаю,

об этом мечтают все девушки, хотя аккуратность — это дар, который дается только избранным! Но я хочу больше всех! Я буду брать пример с тебя и верю, что когда-нибудь тоже научусь собирать за собой трусы и чулки! — Наташа в недоумении таращит на меня глаза, я фыркаю и возвращаюсь к злоключениям кавалера де Грие.

Но если честно, жить с Наташкой интереснее, чем одной. Все же она на пять лет меня старше, она — первая по-настоящему взрослая девушка, с которой я общаюсь, и мне приятно, что она передо мной робеет. И наблюдать за ней любопытно. Вот она меряет свою талию, я опускаю книгу:

— Сколько, Наталья?

— Много. — Она расстроена. — На двенадцать сантиметров больше идеальных пропорций.

Что-то не верится, что от идеала Наталью отделила всего несколько сантиметров. Может, именно потому, что мать углядела в нашей жилищке всякие достоинства, которых во мне недосчитывается, меня обуревают желание поставить провинциальную простоту на место и показать ей, какая я необыкновенная и умная. Обмериваю себя.

— Наташ, где ты надыбала свой идеал? В журнале «Работница»?

— Между прочим, с такой худобой у тебя никогда ни груди, ни зада не будет! Анастасия, мужики таких тощих не любят! — парирует она, потеряв крупницу своего золотого терпения. Моя двухмерная фигура меня саму втайне тревожит, но не стану же я признаваться в этом Наталье, повернувшейся ко мне купеческим задом!

Сажусь на подоконник распахнутого окна. По черной летней улице идут прохожие, наверное, где-то среди них и мои будущие возлюбленные. Они

еще не знают, не ведают, что здесь, в тиши, вдалеке от них, неведомо для них, я расту и набираю силу, как тайфун в океанских просторах... А потом, потом — «полные охапки», что бы там ни каркала Наташка...

— Наташ, а ты про секс что-нибудь знаешь?

— Конечно!

Поворачиваюсь к ней.

— Расскажи.

— Что первый раз больно!

— Неправда!

— Правда, правда! Ты что, не знаешь, что такое «целка»?

— Знаю, конечно! Ругательство. Что-то вроде наивной дурочки.

— Ну ты даешь, Анастасия! Сама ты наивная дурочка! Это у девушек, которые еще ни разу того... — Наташка загадочно закатывает глаза: — У них есть там такая пленочка. — Я смотрю, обалдев, и ей лестно. — Так вот, когда эта пленка прорывается, то больно!

— А ты откуда знаешь? Ты уже... того... не девушка?

— Не-ет, ты что! Конечно, девушка!..

Я разочарована.

— Ну и не трынди тогда. Фигня какая-то...

— Никакая не фигня. Пойди проверь в своих книжках-то, — торжествующе заявляет Наташка и вновь погружается в пищевые учебники.

Слезаю с подоконника, бреду в отцовский кабинет, весь заставленный по периметру книжными шкафами, вытаскиваю «Медицинскую энциклопедию», волоку ее наверх, и вместе с Наташкой мы обнаруживаем термин «девственная плева». Я сильно и неприятно поражена. Об этом ни Бальзак, ни Мопассан, ни Стендаль, ни Инга, ни одноклассницы — вообще никто — ни словечком. В отместку за этот

всемирный заговор спрашиваю у матери громким голосом прилежной ученицы:

— Мать, а что такое «порвать целку»?

Она отряхивается от своих постоянных мечтаний и встревоженно глядит на меня:

— Кто это тебе сказал?

— Никто... — вяло отмахиваюсь я.

Потом она выговаривает Наташке:

— Наташа, я вас очень попрошу, вы с Анастасией не ведите никаких разговоров на тему секса, она еще ребенок...

Но больше со мной никаких разговоров вести не надо. Если о чем-то написано в книгах, я об этом все могу узнать сама, потому что читаю с утра и до вечера, и в туалете, и за столом. Теперь я эту «Медицинскую энциклопедию» проштудировала от корки до корки, даже отвратные статьи про беременность, аборты и роды. А страница с «Гениталиями» в результате моего научного интереса оказалась так заляпана брызгами (я до нее как раз за борщом дошла), что, если кто-то увидит, позора не оберешься, поэтому в дальнейшем я держу эту сокровищницу знаний под кроватью. Это дурацкое чтение, которое я не могу прекратить, оно меня странно тревожит. Одно дело, чтобы Андрей с Виталиком из-за меня на дуэли дрались, и совсем другое — описанные в энциклопедии пакости. От тошнотворных подробностей и картинок колотится сердце, в животе становится приятно и противно одновременно, а в трусах — влажно. Нет, пусть уж лучше они друг друга убьют, чем меня... на Кавказ...

Зашвыриваю книгу поглубже под кровать и спускаюсь вниз. Мама говорит по телефону, и я слышу последние слова:

— Если бы не дети... — Обрывает фразу. Догадываюсь, что это они с Ингой пережевывают свои несчастья.

Отрезаю кусок хлеба и посыпаю солью. Мама кормит Данилу, на меня, вторую половину ее жизненных провалов, даже не глядит. Я не выдерживаю, указывая ломтем на подельника-брата, замечаю тоном бесстрастного наблюдателя:

— Мне кажется, ты меня так не любила.

— Каждый любит то, что ему хорошо. — Как же бесит этот ее всегдашний спокойный тон! — Ты знаешь, каким ты младенцем была? Орала не переставая, ночи напролет спать не давала! Я думала, я с ума сойду от недосыпа. Ты-то дрыхла в колясочке, пока я с тобой гуляла.

— Ага, а еще назло тебе я постоянно болела! — Мне наизусть известны все истории о том, каким неудобством я оказалась в ее жизни.

— Да, я боялась, что ты не выживешь, — возмутительно невозмутимо поддакивает эта женщина, которой я так нагадила своим появлением на свет. — Я с тобой из больниц не вылезала.

— Могла бы бросить, — предлагаю я щедро из безопасного настоящего.

Она только холодно замечает:

— Любовь не в словах выражается, а в делах.

На меня накатывает жгучая волна обиды и жалости к себе. Захватив яблоко, возвращаюсь на свой чердак, валюсь на кровать и рыдаю до упоения, припоминая бесконечные «учись у Наташи, бери пример с Наташи! Вот человек, вызывающий уважение своим трудом и упорством!». Извини, мать, что тебе так не повезло со мной! И слезы уже текут рекой. Хорошо, что трудолюбивой и упорной Наташки нет дома и она не видит, как меня развезло. Ей-то родители не перестают писать и названивать, и ее папа заезжает каждый раз, оказавшись со своим грузовиком в Москве. Гордятся ею и, как ни дико это звучит, ждут от нее Бог весть каких успехов.

С начала учебного года усердная Наташка, не разгибаясь, корпит над учебниками и конспектами. Я пожертвовала трудяге свой письменный стол, все равно сама валяюсь на кровати. Наташа — хорошистка, и как бы мать ее ни захваливала, ей приходится вкалывать, потому что она ничегошеньки не ведаёт, помимо того, чем была богата школьная программа славного города Протвино. Я потрясена ее усилиями, сама-то я примерно со второй четверти первого класса на домашние уроки забила. По литературе и истории меня, как выражается мама, «вывозит широкий кругозор», а в математике, физике и химии перебиваюсь с двойки на тройку. После очередной двойки у меня возникает особо сильное желание показать Наташке, кто из нас умнее.

— Наталья, а ты знаешь, кто такие «виги» и «тори»? — От французской классики я недавно перешла на английскую.

— Кто?

— Э-эх, — я отмахиваюсь от невежды. Если честно, я и сама их в пяти шагах не различу, но Наташку это мне травить не мешает. — Даже не стоит начинать бороться с твоим невежеством!

Неожиданно моя кроткая приживалка срывается:

— Что ты о себе воображаешь?! Сама ты никогда даже не пыталась ничего добиться! Конечно, зачем тебе? Тебе повезло, у тебя богатые, интеллигентные родители, у тебя в жизни ни хлопот, ни забот, можешь позволить себе не высовывать нос из дурацких романов! Настоящей жизни даже не нюхала! Постеснялась бы, посмотрела, как остальные люди живут!

— Я знаю, как живут! «С легким паром» по сто раз смотрят! — Что это в покладистую Наталью вселилось? — Я же не деньгами горжусь, я горжусь своими знаниями и эрудицией! Горжусь тем, что я — аристократия духа!